

DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3.3

EDN: HEUFQL

*С. В. СТАРЦЕВ*¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
109028, Москва, Покровский бульвар, д. 11.

АНАЛИЗ УСТАНОВОК ИССЛЕДОВАТЕЛЯ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ СЕНСИТИВНЫХ ТЕМ: ОПЫТ ИНТЕРВЬЮИРОВАНИЯ УЧАСТНИКОВ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ¹

Аннотация. Статья посвящена методологическим проблемам, возникающим при проведении качественных интервью на чувствительные темы, в частности с участниками военных конфликтов. Автор анализирует противоречие между традиционным требованием нейтральности исследователя и необходимостью установления доверительного контакта с информантом. На примере собственного опыта интервьюирования участников боевых действий в Афганистане и на Украине демонстрируется, что строгое следование принципу нейтральности может препятствовать получению глубокой информации. Предлагается альтернативный подход, основанный на честности, авторефлексии и процессуальной объективности. Автор утверждает, что открытое выражение исследователем собственной позиции и готовность к диалогу позволяют преодолеть «стену сопереживания» и установить продуктивный контакт даже при значительных расхождениях во взглядах. Статья вносит вклад в дискуссию о балансе между научной беспристрастностью и вовлеченностью исследователя в качественной социологии. Предложенные методологические рекомендации могут быть полезны при проведении исследований по сложным социальным и политическим темам.

Ключевые слова: исследования вооруженных конфликтов; установки интервьюера; объективность исследователя; изучение военной идентичности; авторефлексия; качественная методология.

Для цитирования: *Старцев С. В.* Анализ установок исследователя в процессе изучения чувствительных тем: опыт интервьюирования участников военных конфликтов // Социологический журнал. 2024. Том 30. № 3. С. 61–75. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3.3 EDN: HEUFQL

¹ Автор выражает благодарность Елене Рождественской, коллегам, принявшим участие в семинаре проектной группы «Опыт локальных конфликтов», а также Михаилу Мальцеву, Алексею Рыжкову, Евгении Шмелевой и Светлане Бирюковой за полезные комментарии и идеи по совершенствованию данного текста. Автор отдельно благодарит рецензентов и редакторов журнала, давших ценные замечания к тексту. Статья основана на результатах работы проектной группы «Опыт локальных конфликтов: переработка, ресоциализация, инвалидность» при поддержке факультета социальных наук НИУ ВШЭ (2023–2024 гг.).

Реакция исследовательских объектов

Интервьюирование уже давно не описывается как отчужденный инструмент, который интервьюер использует как ланцет, умело и ловко забывая о людях и услышанном от них, когда приходит домой с работы [19, p. 141–156; 22]. Напротив, вопросы степени погружения, разделения сфер жизни, формата отношений между исследователем и людьми, которых он изучает, становятся первоочередными вопросами этики полевого исследования. Объекты исследований не рассматриваются как пассивные «вещи», ожидающие, когда их исследуют и объяснят. Они активно вторгаются в жизнь исследователей, навязывая им эмоции и интенции, которые те не желали испытывать, они становятся причинами моральных дилемм, неочевидных поступков и сомнений [28]. Все это не оспаривается в современной теории и методологии социальных наук [52]². Однако объекты исследований не в равной мере становятся причинами такой турбулентности — можно говорить о том, что существует наблюдаемая связь между остротой социальных проблем и неоднозначностью исследовательского позиционирования по отношению к изучаемой тематике [22; 36; 44].

Исследования, тесно связанные с социальными проблемами, становятся «всепоглощающими», то есть проектами, которые своей эмоциональной нагруженностью полностью завладевают внутренним состоянием исследователя [15, p. 7]. Такие исследования связаны не только с конвенциональным набором социальных проблем вроде неравенства, бедности, насилия, вопросов перераспределения благ, но и с темами, которые признаются не просто тяжелыми с точки зрения невозможности исправить ситуацию на структурном — и часто на персональном — уровне, но и опасными для «моральной гигиены» [17], отвратительными и отталкивающими как для исследователя, так и для всего академического сообщества [12, p. 121]. Ультраправые и националисты [26], милитаристы [39], солдаты и носители военной идентичности [13] — вот некоторые из тематических ориентаций, заставляющих ученого более внимательно рефлексировать и выбирать определенную этическую и познавательную позицию. Моральные дилеммы в изучении этих процессов, групп, общественных движений и явлений проистекают уже не из трудностей из-за переживания проблем информантов и невозможности изменить их жизнь³, а связаны

² Проблематичный характер интервью и взаимовлияние интервьюера и интервьюируемого были зафиксированы еще социологами США до Второй мировой войны [34; 35], однако в явной, манифестируемой форме этот акцент был сделан только в конце XX — начале XXI в. [46]. Так или иначе цель данной статьи не в прослеживании генеалогии или написании истории идеи «сомнения» в интервью как в исследовательском методе.

³ Сами исследователи так описывают ощущения, которые преследуют их после длительных и интенсивных проектов: «*Это почти как плыть на лодке, а потом вернуться домой, и ты все еще “неустойчив”*». <...> *Это неустойчивое*

с легитимацией и тиражированием взглядов, резко контрастирующих со взглядами академической среды [20; 16].

Однако указание исключительно на идеологическую несовместимость объекта исследования и самого исследователя не может быть исчерпывающим ответом, так как наиболее важными здесь оказываются не причины такого отношения к этим темам со стороны исследователей, а то, как последние пытаются отразить, описать и преодолеть подобное методическое противоречие [42]. Один из способов для интервьюера: следовать конвенциональной методической рекомендации быть нейтральным. Однако это требование на практике оказывается более проблематичным, чем может показаться на первый взгляд.

О проблематичности нейтральности интервьюера

Требование к исследователю быть объективным и нейтральным в ходе интервью призвано исключить две типичные аберрации — это переизбыток эмпатии (*over-rapport*) и адвокация информантов и противоположное состояние — недостаток эмпатии и, как следствие, неполная и ограниченная в плане информации беседа. В отличие от переизбытка эмпатии [40], недостаток близости и полная невозможность выстраивать ее с информантом именно по инициативе исследователя все еще остается слабо освещенной тематикой в методологических работах [17]. Разговор с людьми, например, имеющими военную идентичность, часто формируется именно во второй логике, когда исследователю приходится преодолевать «стену сопереживания» в связи с критической разницей между ценностями академического сообщества и военных институтов [29, р. 5]. Это «препятствие для глубокого понимания другого человека, которое может заставить нас чувствовать себя равнодушными или даже враждебными к тем, кто придерживается других убеждений». Техники преодоления недостатка, как и избытка, эмпатии зачастую базируются на балансе между нейтральностью и вовлеченностью⁴ исследователя [45; 38; 18; 2]. Однако на практике эти требования оказываются невыполнимыми [8].

По мнению большинства авторов, в общем виде нейтральность должна обеспечивать высокое качество получаемых данных: интервьюер не участвует в формировании ответа информанта, не «предзадает» его высказывание, не оценивает ответ респондента [25; 53]. На первый взгляд это требование является очевидным, так как в противном случае исследовательское интервью рискует превратиться в скандальную жур-

чувство было со мной все время. <...> И я всегда думаю: “Как у них сейчас дела? Где они сейчас?” <...> Да, я думаю о них, и я почти... я все еще слышу их голоса. Да, вы все еще слышите голоса и все еще чувствуете разговоры, которые вы вели с ними» [24, р. 10].

⁴ Существует широкий репертуар синонимичных категорий: «беспристрастность», «объективность», «эмпатичность». Их нюансирование не является целью данного исследования и зависит от конкретного авторского стиля.

налистскую беседу [14], угадывание замысла интервьюера и удовлетворение его ожиданий [52] и многие другие виды «плохого» интервью. Однако проблема возникает на этапе конкретного общения исследователя и информанта: что *именно* необходимо делать, чтобы быть нейтральным? В какой момент нейтральность перерастает в безэмоциональную и механизированную коммуникацию? Что следует делать в тех случаях, когда информант начинает делиться интимными историями своей болезни [5] или, например, делать расистские заявления [55]? Информант может начать говорить о противозаконных поступках, которые он совершал во время участия в боевых действиях [30], или озвучивать позицию — политическую, этическую и проч., — которая резко противоречит тому, как видит этот мир исследователь. Что в этом случае следует делать интервьюеру: промолчать, сменить тему, указать информанту на его «ошибку»? Приведенный список неудобных коммуникативных инцидентов можно продолжать бесконечно.

Баланс «эмпатической» и «исследовательской» установок

Сущностная нейтральность нейтральности исследователя в ходе интервью ничего не прибавляет к пониманию того, каким образом необходимо выстраивать стратегию в ходе качественного исследования, например, с носителями военной идентичности. Помимо требуемой нейтральности, ситуацию интервью осложняет другое — контрадикторное по своей сути — требование: быть вовлеченным в беседу с информантом. От интервьюеров ожидается, что они не будут устанавливать слишком доверительные отношения с информантами, а от информантов, в свою очередь, то, что они будут делиться личным — и часто травмирующим — с исследователем [49; 4]. В некоторых случаях травмирующее будет непосредственной темой интервью, а не его отдельным эпизодом [41].

В итоге два главных принципа интервьюирования — нейтральность и вовлеченность, гарантирующих установление доверительного контакта, начинают противоречить друг другу [43, р. 670], что еще более осложняет полевую работу исследователя и обсуждение полученных результатов. Это методическое противоречие является причиной противоположности практических рекомендаций, которые даются различными исследователями. Кроме того, это противоречие — один из поводов игнорирования исследователями эмоционального труда интервьюеров в ходе проведения опросов: существуют работы (которых, однако, не так много), подчеркивающие сложность и *анти*нейтральность качественных интервью, когда в ходе последних исследователям приходится терпеть оскорбления и работать с массой других «человеческих» особенностей межличностной коммуникации [21].

По поводу данного противоречия ряд исследователей, особенно работающих в широко понимаемой интеракционистской парадигме, указывают, что интервью вообще не может быть нейтральным до тех пор, пока в нем участвуют живые люди [47; 23]. Фонтана и Фрей,

рассматривая методическую эволюцию интервью, указывают, что сначала оно было инструментом диагностики патологий, а потом стало инструментом адвокатирования патологии и ее «нормализации». Они утверждают: если коммуникативная нейтральность не может быть реализована, то следует рассматривать это не как методологическую слабость, а как часть общей технологии интервьюирования и исследовательской установки. Иными словами, нейтральность интервью заканчивается в тот момент, когда интервьюер задает первый вопрос информанту, так как озвученный вопрос не является нейтральным инструментом социологического познания [25].

Сложно спорить с тем, что интервью, в принципе, возможно рассматривать как инструмент беспристрастного исследования. В 1926 г. Эмори Богардус описывал разнообразные роли, которые принимает на себя интервьюер в ходе исследовательского разговора [41]. Врач, юрист, священник, журналист, детектив, социальный работник, психиатр и психоаналитик — все эти роли и стратегии проведения разговора применяются исследователями в полевой практике. Это значит, что не может существовать какого-либо единственно правильного варианта реализации интервью. Беседа с одним и тем же человеком может развиваться по различным — зачастую конфликтующим — сценариям. Однако каждый интервьюер и информант рассчитывают на минимальный набор ситуативных атрибутов [27; 50]. Такой гармонизированный сценарий сводится к ролевому взаимодействию, когда интервьюер задает вопросы, а информант на них отвечает. Нейтральность и вовлеченность в таких случаях поддерживаются и активно утверждаются в процессе интервью, оставаясь хотя и редко проблематизируемыми, но все же контролируемыми элементами беседы.

В изучении вопросов войны и мира ряд исследователей рассматривали опасности, связанные с насилием, как препятствия, которые необходимо преодолевать в том числе с помощью беспристрастности [48]. Однако в современных конфликтах, таких как связанные с Палестиной или Украиной, исследователи неизбежно пристрастны, так как их работа, состоящая в изучении конфликтов и мира, всегда подразумевает необходимость иметь какую-либо точку зрения [32].

Синиса Малесевич считает, что социологи в значительной степени игнорируют область изучения вопросов войны и мира именно в связи с неспособностью исследователей поменять свою ориентацию на изучение нормативно отрицательных вещей. Малесевич считает, что такое систематическое пренебрежение теоретическими и эмпирическими исследованиями войны и мира связано с гегемонией пацифистского переосмысления классики после двух тотальных войн XX в. Иными словами, вопрос вновь перемещается в плоскость нейтрального и вовлеченного отношения к изучаемым объектам и заведомого отнесения обладателей военной идентичности к тем, кто не должен быть услышан [37].

Возражение, что исследователь должен в первую очередь нормативно следовать научной беспристрастности, — трюизм, который, как

мы показали относительно интервьюирования, редко можно реализовать в исследовательской практике. Аргумент эпистемологически более высокого порядка можно найти в интерпретации А. Шюцем веберовского *понимания* (Verstehen). Понимание не является уникальным, сугубо научным инструментом. Понимание социолога трансформируется из понимания обыденной жизни ординарных социальных акторов [6]. Именно поэтому восприятие исследователем наиболее важных и острых проблем сначала проистекает из его базовой идентификации как элемента феноменального жизненного мира, и только после этого он, как отмечает Шюц, «заняв позицию ученого, “замещает” свою персональную биографическую ситуацию тем, что, по примеру Ф. Кауфмана, я назову научной ситуацией» [7]. Именно конфликт двух миров — научного и «человеческого» — приводит исследователя, осознавшего неспособность решить проблему интервьюируемого, к фрустрации [10].

Опыт интервьюирования военнослужащих и способы преодоления ролевого конфликта

Современная этнография и качественная социология уже давно описали тот подготовительный когнитивный процесс, который часто оформляется в автоэтнографические замечания и ауторефлексию по поводу исследования [3]: информантов, самого исследователя, результатов, целей и способов использования полученных данных. Используя эти инструменты, на примере нашего исследования участников боевых действий мы хотели бы выйти дальше «того паралича, который возник в результате непрекращающегося [социологического. — С.С.] метаанализа, одержимого тропами, позиционностью, этикой, открытостью и множественностью объектов и слабостями профессионализации» [51, р. 7], и предложить свои ответы на поставленные вопросы.

Интервью, которые послужат иллюстрацией к описанным выше проблемам, проводились в рамках проекта «Опыт локальных конфликтов: переработка, ресоциализация, инвалидность» в 2022–2024 гг. Мы беседовали с участниками боевых действий на территории Афганистана и Украины, чтобы проанализировать специфический боевой опыт, который становится основой военной и ветеранской идентичности. Часто интервью предшествовали неформальные разговоры, посвященные как целям исследования, так и более неформальным темам, которые, однако, также требовали от нас осознанной реакции. Цитаты из таких разговоров будут приводиться благодаря записям в дневниках и мемо, которые мы составляли после встреч с нашими информантами.

В ходе интервью мы часто говорили о событиях и людях, которые непосредственно относятся к боевым действиям, и сознательной стратегией было не «сокрытие слона в комнате» — напротив, мы явно

подчеркивали разницу наших биографий⁵. Мы говорили, что у нас не было не только опыта участия в военных конфликтах, но и опыта прохождения службы в Вооруженных Силах России. Четкое осознание границ исследовательской ситуации и ситуации интервью нами и нашими собеседниками снимало конфликтность разговора и приоритизировало его гуманистическую сторону.

Интервьюер: *Я в армии не служил никогда, поэтому не понимаю немного, как устроено боевое слаживание. В чем суть этого?*

Информант: *Да, смотри, это нужно всегда для <...>*

Интервьюер: *Я на войне не был, и, наверное, не буду уже...*

Информант: *Не зарекайся [смеется], успеешь еще.*

Интервьюер: *Из меня солдат, наверное, неважный будет, я не служил в ВС, оружие в руках не держал.*

Информант: *Ладно, учись, война не для всех, я расскажу, что смогу <...>*

Интервьюер: *Какое Ваше отношение к противнику, насколько к нему есть уважение как к врагу?*

Информант: *Противник, мишень.*

Интервьюер: *И все?*

Информант: *Конечно, кто он? Я не собираюсь с ними детей крестить и по душам разговаривать. Но знаю, как они целую аллею детскую [Аллея Ангелов в Донецке. — С.С.]... издеваются, наших пацанов режут.*

Интервьюер: *А если бы Вы к ним в плен попали, я думаю, что не хотели бы такого отношения к себе от них?*

Информант: *А оно будет в любом случае.*

Мы также часто обозначали наши взгляды на оценку некоторых исторических и современных событий, используя эти расхождения не как способ провокации конфликта, а как стимул к активизации разговора. Нежелание некоторых исследователей раскрывать информацию о себе проистекает из убеждения, что необходимое для интервью качество отношений может достигаться только путем уступки собственных этических, эстетических и иных позиций [9]. Такая интерпретация оказывается контрпродуктивной в рамках исследования. Мы же пытались приблизиться к тому, что Д. Рогозин, ссылаясь на коллективную монографию К. Эллис, Т. Адамса и А. Бохера, называет рефлексивным интервью: когда информант и исследователь постоянно меняются местами, обсуждая ход интервью и реагируя на рефлексии и эмоции друг друга [3]. На адресованные информантами вопросы о некоторых провокационных ситуациях российского общества⁶ мы отвечали честно, совместно производя полученное в интервью знание.

⁵ Характерна фраза, которая часто хотя и звучала не в нашу сторону, но все же обнажала разницу опытов: «Человек, который не был на войне, никогда не поймет того, кто на ней был».

⁶ Обилие риторических вопросов по поводу людей, которые сознательно отказывались участвовать в частичной мобилизации, часто достигало кри-

Информант: *Вот к тем, кто сбегает, кто там Ларсы штурмует на самокатах, — ну, как к ним относиться можно?*

Интервьюер: *Им страшно, скорее всего, было <...> Всем тогда страшно было, переживали многие, потому что не ожидали такого <...> Я тоже тогда не знал, как на это реагировать, не знал, что дальше будет, потому что вроде и учусь, а вроде и студентам повестки приходят.*

Каждое интервью мы начинали с преамбулы, в которой напоминали, что хотим понять определенный аспект опыта нашего собеседника. Формат биографического интервью — именно этот дизайн мы выбрали в качестве основного — предполагал фазу свободного повествования. Мы никак не перебивали и не останавливали рассказчиков, не поправляли их, когда они, например, использовали определенные этнофолизмы, относящиеся к их противникам. Такое поведение может вводить в смущение: как отмечали некоторые исследователи, они испытывают стыд из-за умалчивания своей позиции по тому или иному вопросу [49; 56]. Это, однако, не приближало нас к первостепенной цели — к пониманию военного опыта и военной идентичности, того, что их отличает от опыта гражданских, в чем их особенность и отличительная черта, а главное — как сами участники боевых действий формулируют и вербализируют такой опыт. Чтобы преодолеть вопросы идеологии и позиционирования, парализующие, как было сказано выше, исследовательскую работу, мы обратились к принципам, которые могли бы помочь более внятно и конкретно объективировать — в смысле Бурдье — изучаемых людей и наши исследовательские установки. Эти принципы приведены в исследовании Д. Захле, посвященном объективности в качественных исследованиях [55].

Среди шести принципов объективности исследования Захле выделяет описательную адекватность. Такая адекватность должна соответствовать тому, что говорят и думают сами информанты: их слова должны быть переданы точно, а точки зрения не должны затемняться или ретушироваться исследователем. Отказ от исправления прямой речи информантов строится именно на такой логике: фиксация всего, что говорят информанты, остается залогом приближения к исследовательской объективности.

Такого же рода объективность должна иметь процессуальный оттенок. В интервью мы старались применять эти принципы следующим образом: описательная адекватность как главный принцип и процессуальная объективность как полный отказ от «заигрываний» с информантами, идентитарной гимнастики, которая будет проявляться в подстройке своих реплик и поведения под «правильные» ожидания

тической точки, и эти вопросы превращались в прямые, артикулированные интервьюеру. В таких случаях мы с оглядкой на технику рефлексивного интервью высказывали свою искреннюю точку зрения, оставаясь в сформированных ситуацией рамках этики беседы.

информанта. Мы стремились заблокировать те вербальные и невербальные акты, которые обостряли бы проблему, возникающую, «когда осуждение заменяет объяснение, что и происходит, если некоторые явления рассматриваются как отклонения, лишенные какой-либо объяснимой причины» [33].

Интервьюер: *В связи с чувством патриотизма Вы пошли [добровольцем]?*

Информант: *А почему нет? Как бы пафосно ни звучало, я Родину люблю.*

Интервьюер: *Нет, не звучит так. Я так понимаю, что и отношение к тому, что началось в 2014 году, у Вас тоже было вполне однозначное. Вы поддерживали Донецк и Луганск?*

Информант: *Ну да. Тем более Украины как таковой же не было, это пусть они спасибо скажут дяде Воле Ленину.*

Акцент на понимании сообществ чаще оказывается более полезным, чем воинствующая этнография [31, р. 64]. Для большего контроля самих себя мы постоянно возвращались к коллегам, чтобы воплотить другое условие процессуальной объективности — «буферную зону». Это пространство критической автономии исследователей от любых внешних агентов: представителей государственной власти, информантов и групп, с которыми они ассоциированы, академических функционеров и пр. [11]. Этот шаг был важен в связи с тем, что чувствительные темы часто оказываются притягательной мишенью для рефрейминга со стороны описанных агентов.

После всех наших интервью оставалось преимущественно одно ощущение: разговор прошел с обычными людьми, жизнь которых состоит из наполненных сильными, экзотическими смыслами периодов. Они охотно делились своими историями, не испытывая (по нашим ощущениям) отчуждения от своих биографий и не демонстрируя агрессию по поводу несовпадения наших взглядов. На прямые вопросы о наших политических взглядах мы давали честные ответы, а собеседники, как хочется верить, были честны с нами.

Если мы в ходе интервью старались быть искренними с информантами, то ряд исследователей, напротив, предлагают комбинировать две стратегии — нейтрального и вовлеченного интервьюера, — используя их в зависимости от конъюнктурных целей и задач исследования [8]. Они показывают, что и нейтральная и вовлеченная позиции являются *ситуативными* практиками, с помощью которых интервьюер пытается обеспечить этичное слушание, сохраняющее точку зрения информанта на рассказываемые события. Однако такая точка зрения переводит дискуссию в пространство спора об «искусстве качественных методов» и сразу становится уязвимой для критики со стороны тех, кто справедливо упрекает практиков качественной методологии в склонности эзотеризировать ее навыки и знания [1].

Заключение

Разговор о том, в каком техническом исполнении качественная методология избавится от всех изъянов, принципиально невозможен, и данная статья не имеет подобных амбиций. Именно такой литанией должно заканчиваться любое исследование, посвященное тому или иному аспекту качественных исследований, и мы не будем исключением.

Цель данной статьи в том, чтобы проблематизировать традиционные установки исследователя и продемонстрировать, что он не оператор ограниченного набора исследовательских техник, а интерактивный собеседник, который может реагировать на информанта настолько различными, в том числе негативными, способами. Подобная ситуация становится заметной в связи с такими особыми темами, имеющими высокое гуманитарное и социальное значение, как война, преступления, расовые предрассудки, терроризм. В таких областях исследователю трудно быть беспристрастным и интервьюировать информантов так, как будто они не имеют прошлого, не совершали поступков и не думают иначе, чем мы.

На примере интервью с участниками военных конфликтов на территории Афганистана и Украины было продемонстрировано, что исследователю не всегда приходится жертвовать своими мировоззрением, ценностями или попросту притворяться тем, кем он не является, чтобы расположить собеседника к разговору. Напротив, благодаря использованию стратегии честности, авторефлексивности, четкому улавливанию запросов ситуации, а также приверженности процессуальной и субстанциональной объективности исследователю удастся «очеловечить» разговор, который ранее казался неприятным.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Старцев Сергей Вячеславович — аспирант, факультет социологии; стажер-исследователь, Международная лаборатория исследований социальной интеграции, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». **Телефон:** +7 (495) 531-00-00 * 11803.

Электронная почта: sstartsev@hse.ru

Research Article

SERGEY V. STARTSEV¹

¹ HSE University.

11, Pokrovsky Boulevard, 109028, Moscow, Russian Federation.

ANALYZING THE RESEARCHER'S ATTITUDES IN THE PROCESS OF STUDYING SENSITIVE TOPICS: THE EXPERIENCE OF INTERVIEWING PARTICIPANTS OF MILITARY CONFLICTS

Abstract. The article is devoted to methodological problems that arise when conducting high-quality interviews on sensitive topics, in particular with participants of military

conflicts. The author analyzes the contradiction between the traditional requirement of researcher neutrality and the need to establish trust with an informant. Using the example of our own experience in interviewing people who participated in combat operations in Afghanistan and Ukraine, it is demonstrated that strict adherence to the principle of neutrality can get in the way of obtaining in-depth information. An alternative approach based on honesty, self-reflection and procedural objectivity is proposed. The author argues that the researcher's open expression of his own position and willingness to engage in dialogue make it possible to overcome the "wall of empathy" and establish productive contact even given significant differences in views. The article contributes to the discussion on the balance between scientific impartiality and researcher's involvement in qualitative sociology. The proposed methodological recommendations can be useful in conducting research on complex social and political topics.

Keywords: military studies; interviewer's attitudes; researcher's objectivity; study of military identity; self-reflection; qualitative methodology.

For citation: Startsev, S.V. Analysis of the Researcher's Attitudes in the Process of Studying Sensitive Topics: the Experience of Interviewing Participants of Military Conflicts. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 2024. Vol. 30. No. 3. P. 61–75. DOI: 10.19181/socjour.2024.30.3.3

Acknowledgments. The author expresses gratitude to Elena Rozhdestvenskaya, colleagues who participated in the seminar of the project group "Experience of local conflicts", as well as Mikhail Maltsev, Alexey Ryzhkov, Evgenia Shmeleva and Svetlana Biryukova for useful comments and ideas on improving this text. The author would like to thank the reviewers and editors of the journal for their valuable comments on the text. The article is based on the results of the work of the project group "Experience of local conflicts: processing, re-socialization, disability" with the support of the Faculty of Social Sciences of the Higher School of Economics (2023–2024).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Startsev — Graduate Student, Department of Sociology;
Research Intern, International Laboratory of Social Integration Studies, HSE University.
Phone: +7 (495) 531-00-00 * 11803. **Email:** sstartsev@hse.ru

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Батыгин Г.С., Девятко И.Ф. Миф о «качественной социологии» // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 28–42. EDN: TZKHOJ
Batygin G.S., Devyatko I.F. The Myth of "Qualitative Sociology". *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*. 1994. No. 2. P. 28–42. (In Russ.)
2. Квале С. Исследовательское интервью / Пер. с англ. М.Р. Мироновой; Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2003. — 301 с. EDN: QXGGCB
Kvale S. Interviews: An Introduction to Qualitative Research Interviewing. [Russ. ed.: *Issledovatel'skoe interv'yu*. Transl. from Eng. by M.R. Mironova, ed. by D.A. Leont'ev. Moscow: Smysl publ., 2003. 301 p.]
3. Рогозин Д. Как работает автоэтнография? // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 1. С. 224–273. EDN: TRRRBD

- Rogozin D. How Autoethnography Works. *Sotsiologicheskoe obozrenie*. 2015. Vol. 14. No. 1. P. 224–273. (In Russ.)
4. *Рогозин Д.* Этнографическое интервью: научная пьеса в двух действиях и способ ее интерпретации // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2018. Т. 10. № 16. С. 26–49. DOI: 10.19181/inter.2018.16.3
- Rogozin D. Ethnographic Interview: Science Play in Two Acts and Interpretation Techniques. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya*. 2018. Vol. 10. No. 16. P. 26–49. DOI: 10.19181/inter.2018.16.3 EDN: VPHVCI (In Russ.)
5. *Старцев С.В., Рождественская Е.Ю.* Как уходят в альтернативную медицину: кризис доверия в коммуникации врача и онкопациента // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2022. Т. 25. № 2. С. 96–126. DOI: 10.31119/jssa.2022.25.2.5 EDN: JWDPTQ
- Startsev S.V., Rozhdestvenskaya E.Yu. “There Is Nothing Left but to Trust Anyone”: A Crisis of Trust in the Communication of a Doctor and an Onco-Patient. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*. 2022. Vol. 25. No. 2. P. 96–126. DOI: 10.31119/jssa.2022.25.2.5 (In Russ.)
6. *Шюц А., Парсонс Т.* Теория социального действия: переписка / Пер. с англ. А. Корбута; Под ред. Р. Гратхоффа. М.: Элементарные формы, 2021. — 224 с.
- Schutz A., Parsons T. *Teoriya sotsial'nogo deistviya: perepiska*. [Theory of Social Action: Correspondence.] Transl. from Eng. by A. Korbut, ed. by R. Gratkhoff. Moscow: Elementarnye formy publ. 224 p. (In Russ.)
7. *Шюц А.* Формирование понятия и теории в социальных науках // *Вестник культурологии*. 2003. № 1. С. 5–24. EDN: EVEMTR
- Schutz A. Concept and Theory Formation in the Social Sciences. *Vestnik kul'turologii*. 2003. No. 1. P. 5–24. (In Russ.)
8. Alby F., Fatigante M. Preserving the Respondent’s Standpoint in a Research Interview: Different Strategies of ‘Doing’ the Interviewer. *Human Studies*. 2014. Vol. 37. P. 239–256. DOI: 10.1007/s10746-013-9292-y
9. Back L., Solomos J. Doing Research, Writing Politics: The Dilemmas of Political Intervention in Research on Racism. *Economy and Society*. 1993. Vol. 22. No. 2. P. 178–199. DOI: 10.1080/03085149300000010
10. Bashir N. The Qualitative Researcher: The Flip Side of the Research Encounter with Vulnerable People. *Qualitative Research*. 2020. Vol. 20. No. 5. P. 667–683. DOI: 10.1177/146879411988480
11. Bennett H., Brunner R. Nurturing the Buffer Zone: Conducting Collaborative Action Research in Contemporary Contexts. *Qualitative Research*. 2022. Vol. 22. No. 1. P. 74–92. DOI: 10.1177/1468794120965373
12. Blee K.M. Ethnographies of the Far Right. *Journal of Contemporary Ethnography*. 2007. Vol. 36. No. 2. P. 119–128. DOI: 10.1177/0891241606298815
13. Broch-Due V. *Violence and Belonging: The Quest for Identity in Post-Colonial Africa*. L.: Routledge, 2004. 261 p.

14. Bull P., Elliott J. Level of Threat: A Means of Assessing Interviewer Toughness and Neutrality. *Journal of Language and Social Psychology*. 1998. Vol. 17. No. 2. P. 220–244. DOI: 10.1177/1468794120965373
15. Clark J.N. Post-Research Reflexivity in Qualitative Research: Through Cloaks and Cross-Threading. *Qualitative Research*. 2023. Vol. 10. No. 1. P. 1–7. DOI: 10.1177/14687941231196
16. Cofnas N., Carl N., Woodley of Menie M.A. Does Activism in Social Science Explain Conservatives' Distrust of Scientists? *The American Sociologist*. 2018. Vol. 49. No. 6. P. 135–148. DOI: 10.1007/s12108-017-9362-0
17. Damhuis K., de Jonge L. Going Nativist. How to Interview the Radical Right? *International Journal of Qualitative Methods*. 2022. Vol. 21. DOI: 10.1177/16094069221077761
18. Delin J. *The Language of Everyday Life: An Introduction*. L.; Thousand Oaks; New Delhi: Sage, 2000. 224 p. DOI: 10.4135/9781446218631
19. Denzin N. *The Cinematic Society and The Reflexive Interview. Postmodern Interviewing*. Ed. by J. Gubrium, J. Holstein. Thousand Oaks: Sage, 2003. 280 p. DOI: 10.1007/s12115-012-9558-4
20. Denzin N.K. *The Qualitative Manifesto: A Call to Arms*. L.: Routledge, 2018. 124 p. DOI: 10.4324/9780429449987
21. Dickson-Swift V., James E.L., Kippen S., Liamputtong P. Researching Sensitive Topics: Qualitative Research as Emotion Work. *Qualitative research*. 2009. Vol. 9. No. 1. P. 61–79. DOI: 10.1177/1468794108098031
22. *Engaged Observer: Anthropology, Advocacy, and Activism*. Ed. by V. Sanford, A. Angel-Ajani. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press. 2006. 272 p.
23. Fontana A., Frey J.H. From Neutral Stance to Political Involvement. *Handbook of Qualitative Research*. Ed. by N.K. Denzin., Y.S. Lincoln. SAGE Publications, 2005. P. 695–727.
24. Garrels V., Skåland B., Schmid E. Blurring Boundaries: Balancing Between Distance and Proximity in Qualitative Research Studies with Vulnerable Participants. *International Journal of Qualitative Methods*. 2022. Vol. 21. No. 10. DOI: 10.1177/16094069221095655
25. Gerson K., Damaske S. *The Science and Art of Interviewing*. N.-Y.: Oxford University Press, 2020. 292 p. DOI: 10.1093/oso/9780199324286.001.0001
26. Gingrich A., Banks M. *Neo-Nationalism in Europe and Beyond: Perspectives from Social Anthropology*. Berghahn Books, 2006. 312 p. DOI: 10.3167/9781845451899
27. Goffman E. *Relations in Public: Microstudies of the Public Order*. L.: Routledge, 2017. 424 p. DOI: 10.4324/9781315128337
28. Hedican E.J. Understanding Emotional Experience in Fieldwork: Responding to Grief in a Northern Aboriginal Village. *International Journal of Qualitative Methods*. 2006. Vol. 5. No. 1. P. 17–24. DOI: 10.1177/160940690600500102

29. Hochschild A.R. *Strangers in Their Own Land: Anger and Mourning on the American Right*. N.-Y.; L.: The New Press, 2016. 368 p.
30. *How to End a War: Essays on Justice, Peace, and Repair*. Ed. by G. Parsons, M. Wilson. Cambridge University Press, 2023. 244 p.
31. Juris J. Performing Politics: Image, Embodiment, and Affective Solidarity During Anti-Corporate Globalization Protests. *Ethnography*. 2008. Vol. 9. No. 1. P. 61–97. DOI: 10.1177/1466138108088949
32. Krause J. The Ethics of Ethnographic Methods in Conflict Zones. *Journal of Peace Research*. 2021. Vol. 58. No. 3. P. 329–341. DOI: 10.1177/0022343320971021
33. Laclau E. *On Populist Reason*. L.; N.-Y.: Verso, 2005. 250 p.
34. Lee R.M. David Riesman and the Sociology of the Interview. *The Sociological Quarterly*. 2008. Vol. 49. No. 2. P. 285–307. DOI: 10.1111/j.1533-8525.2008.00116.x
35. Lee R.M. Interviewing, Social Work, and Chicago Sociology in the 1920s. *Qualitative Social Work*. 2018. Vol. 17. No. 5. P. 639–658. DOI: 10.1177/1473325016680727
36. Low S.M., Merry S.E. Engaged Anthropology: Diversity and Dilemmas: An Introduction to Supplement. *Current Anthropology*. 2010. Vol. 5. No. S2. S203–S226. DOI: 10.1086/653837
37. Malešević S. How Pacifist Were the Founding Fathers?: War and Violence in Classical Sociology. *European Journal of Social Theory*. 2010. Vol. 13. No. 2. P. 193–212. DOI: 10.1177/1368431010362298
38. Mallozzi C.A. Voicing the Interview: A Researcher’s Exploration on a Platform of Empathy. *Qualitative Inquiry*. 2009. Vol. 15. No. 6. P. 1042–1060. DOI: 10.1177/1077800409334227
39. Mann M. *Fascists*. Cambridge; L.: Cambridge University Press, 2004. 330 p.
40. Miller S.M. The Participant Observer and “Over-Rapport”. *American Sociological Review*. 1952. Vol. 17. No. 1. P. 97–99. DOI: 10.2307/2088368
41. Morgan M. *How to Interview Sexual Abuse Victims: Including the Use of Anatomical Dolls*. Thousand Oaks: Sage Publications, 1994. 143 p. DOI: 10.4135/9781483326849
42. Morris A. *A Practical Introduction to In-Depth Interviewing*. Los Angeles: Sage Publications, 2015. 160 p. DOI: 10.4135/9781473921344
43. Patton M.Q. *Qualitative Research and Evaluation Methods: Integrating Theory and Practice*. Thousand Oaks: Sage publications, 2014. 670 p.
44. Pilkington P. *Loud and Proud: Passion and Politics in the English Defence League*. Manchester: Manchester University Press, 2016. 328 p. DOI: 10.7765/9781526114013
45. Richards K. Using Micro-Analysis in Interviewer Training: ‘Continuers’ and Interviewer Positioning. *Applied Linguistics*. 2011. Vol. 32. No. 1. P. 95–112. DOI: 10.1093/applin/amq040

46. Scheurich J.J. A Postmodernist Critique of Research Interviewing. *International Journal of Qualitative Studies in Education*. 1995. Vol. 8. No. 3. P. 239–252. DOI: 10.4324/9781315043258
47. Skovlund H., Lerche Mørck L., Celosse-Andersen M. The Art of Not Being Neutral in Qualitative Research. *Qualitative Research in Psychology*. 2023. Vol. 20. No. 3. P. 363–381. DOI: 10.1080/14780887.2023.2223529
48. Sluka J.A. Managing Danger in Fieldwork with Perpetrators of Political Violence and State Terror. *Conflict and Society*. 2015. Vol. 1. No. 1. P. 109–124. DOI: 10.3167/arcs.2015.010109
49. Smyth L., Mitchell C. Researching Conservative Groups: Rapport and Understanding Across Moral and Political Boundaries. *International Journal of Social Research Methodology*. 2008. Vol. 11. No. 5. P. 441–452. DOI: 10.1080/13645570701401636
50. *The SAGE Handbook of Interview Research: The Complexity of The Craft*. Ed. by J.F. Gubrium, J.A. Holstein, A.B. Marvasti, K.D. McKinney. Thousand Oaks: Sage Publications, 2012. 624 p.
51. Tolich M., Iphofen R. *The SAGE Handbook of Qualitative Research Ethics*. Thousand Oaks: Sage Publications, 2018. 585 p. DOI: 10.4135/9781526435446
52. Thomas W.I. Race Psychology: Standpoint and Questionnaire, with Particular Reference to the Immigrant and the Negro. *American Journal of Sociology*. 1912. Vol. 17. P. 725–775. DOI: 10.1086/212034
53. Wacquant L. For a Sociology of Flesh and Blood. *Qualitative Sociology*. 2015. Vol. 38. P. 1–11. DOI: 10.1007/s11133-014-9291-y
54. Weiss R.S. *Learning from Strangers: The Art and Method of Qualitative Interview Studies*. N.-Y.: Simon & Schuster, 1995. 256 p.
55. Zahle J. Objective Data Sets in Qualitative Research. *Synthese*. 2021. Vol. 199. P. 101–117. DOI: 10.1007/s11229-020-02630-2
56. Zhang T., Okazawa R. Managing Neutrality, Rapport, and Antiracism in Qualitative Interviews. *Qualitative Research*. 2022. Vol. 23. No. 6. DOI: 10.1177/14687941221110183

Статья поступила в редакцию: 25.03.2024; поступила после рецензирования и доработки: 04.08.2024; принята к публикации: 05.08.2024.

Received: 25.03.2024; revised after review: 04.08.2024; accepted for publication: 05.08.2024.